

Стоя у главных ворот Пристани Лотоса, Вэй Ин дрожал от ярости. У самого входа притаился огромный белый волк. Хотя зверь спал, одного взгляда было достаточно, чтобы понять — перед ним грозный вожак стаи. Волки и собаки — одного поля ягоды, и этот мерзавец Цзян Чэн прекрасно знал, как Вэй Ин боится псов, но всё равно усадил такую махину прямо у порога. Это уже ни в какие ворота не лезло.

А еще парные надписи на воротах. Верхняя гласила: Берегись пожаров, воров и Вэй Ина. Нижняя: Запрет на азартные игры, наркотики и Лань Иня. И хотя это отличалось от того, что Лань Ин говорил ему раньше — мол, запрет на Лань Иня, — неясно было, что значит горизонтальная надпись: Злые духи, прочь.

Вэй Ин, скрипя зубами, пробормотал:

— Я что, похож на злого духа?

Лань Сычжуй, Лань Цзинъи и остальные младшие адепты ордена Лань дружно замотали головами.

— Так я злой дух или нет?

Младшие продолжали отрицательно качать головами.

— С чего бы мне им быть!

Они снова покачали головами. Вэй Усянь прищурился, глядя на них, и адепты поспешно закивали. Вэй Усянь снова сверкнул глазами, и ребята, окончательно запутавшись, принялись одновременно кивать и качать головами, жалобно глядя на него, словно спрашивая: так что нам делать?

Лань Чжань ласково потрепал Вэй Усяня по волосам, пытаясь успокоить. Тот лишь надул губы и посмотрел на Ваньцзи глазами, полными обиды, словно жалуясь: Цзян Чэн такой вредный, он меня обижает.

— Пойдем внутрь и выпьем всё хорошее вино Цзян Ваньиня, — негромко проговорил Лань Ванцзи, утешая своего Старейшину Илин.

Младшие адепты за спиной дружно ахнули. Неужели это их безупречный, сияющий Ханьгуан-цзюнь? Неужели он превратился в такого подкаблучника? Впрочем, Лань Сычжуй к этому уже привык.

Лань Цижэнь, больше не в силах наблюдать за этой сценой, тихо кашлянул. Но он не ожидал, что этот звук перепугает не только парочку Вансянь, но и всех младших адептов. Вэй Усянь и ребята мысленно зарыдали, задаваясь одним вопросом: почему здесь оказался еще и старик Лань?

Впрочем, самого Лань Цижэня мало волновало, о чем думает молодежь. Он пришел сюда, чтобы увидеть того, кого хотел. Стоило ему сделать шаг, как Вэй Усянь ухватил его за рукав. Лань Цижэнь обернулся, и в его взгляде читался немой вопрос: в чем дело?

Вэй Усянь, не отпуская старика, спрятался за спину Лань Ванцзи и прошептал:

— Там волк. Он кусается.

Лань Цижэнь и Лань Ванцзи одновременно закатили глаза — мол, это всего лишь волк, пинком его отшвырнуть, и дело с концом.

— Как-то здесь странно, — заметил Лань Сычжуй.

— Что странного, Сычжуй? — спросил Лань Цзиньи.

— Слишком тихо. Когда мы летели на мечях, я смотрел вниз: ни на пристани, ни на улицах не было ни души. И у ворот сейчас тоже никого нет.

— Может, все ушли праздновать? А если кто и есть, то, может, у них, как и у нас, стоят защитные барьеры? — предположил Цзиньи.

Они даже не догадывались, что белый волк слышит каждое слово. В душе он лишь посмеивался над ними: зачем нужны какие-то барьеры, когда есть он?

— В семье Цзян празднование Нового года всегда такое шумное. Что сегодня происходит? — обеспокоенно спросил Вэй Усянь.

— А что-то происходит? — вдруг раздался голос, заставив всех вздрогнуть.

Они обернулись и увидели Лю Иня, который прижимал к себе большой глиняный сосуд с уксусом.

— Что случилось? Кто-то ранен или заболел? — встревожился Вэй Усянь.

— Ранен? Заболел? Нет, все в полном порядке, — удивился Инь.

Вэй Усянь выдохнул:

— Ты сказал, что что-то происходит. Что именно?

— Новый год же! — Инь посмотрел на них так, будто они сказали несусветную глупость.

— А почему тогда так тихо? — спросил Лань Цзиньи.

— А, это Бай Сяо жаловался, что слишком шумно. Учитель поставил звукоизолирующий барьер. Снаружи ничего не слышно, а внутри — настоящий гам.

Вэй Усянь и младшие adeпты облегченно вздохнули.

— Сосуд, наверное, тяжелый? Давай помогу, — Лань Сычжуй, видя, как Инь тащит огромную тару, решил проявить заботу.

Инь покачал головой:

— Я часто помогаю маме, у меня много сил.

— Брат Инь! Брат Инь! — неожиданный крик заставил присутствующих снова напрячься.

— Что случилось? Хуахуа, Ляньцзы, не спешите, говорите спокойно, — напротив, Лю Ин был совершенно спокоен.

— Папа сделал дерево из леденцов! Скорее зови кого-нибудь помочь перенести! — радостно зашебетала девочка.

— Отлично! — Инь огляделся и обратился к adeптам ордена Лань: — Помогите, пожалуйста, девочкам перенести дерево.

— Что еще за дерево из леденцов? — спросил Сычжуй.

— Сычжуй, увидишь — поймешь, — с многозначительным видом ответил Цзиньи.

Когда всё уладили, младшие adeпты отправились помогать девочкам, а Лань Цижэнь, Лань Ванцзи и Вэй Усянь вслед за Инем вошли во двор. У самых ворот они заметили две корзины с белой редькой.

— Почему вещи здесь брошены? — удивился Вэй Усянь.

— В последнее время кто-то постоянно подкидывает овощи к воротам. Мы проверяли, но так и не узнали, кто это. Сначала было странно и даже тревожно, но потом привыкли, — ответил Инь и попросил трицу прихватить корзины с собой.

Войдя на территорию Пристани Лотоса, гости застыли в изумлении. Что они увидели?

Несколько почтенных старцев пили чай и болтали, другие играли в шахматы. Старушки сидели кружком и обсуждали домашние дела. В стороне компания азартно резалась в маджонг. Кто-то лепил фигурки из сахара, окруженный толпой детей. Тут же рассказывали сказки, жарили каштаны и кукурузу, играли на дудках, грызли сахарный тростник, работал даже гадатель.

Всё это еще можно было списать на праздничную суету, но в воздухе парили огромные котлы! Жэнь Пиншэн в фартуке орудовал гигантской лопаткой. Жена Пятого в окружении шумных тетушек с остервенением рубила овощи — Вэй Усянь подумал, что если бы не знал, что это овощи, решил бы, что они кромсают людей.

Но самым невероятным было то, что он увидел Цзян Чэна, который ошипывал утку.

— Цзян Чэн, ты в порядке? — ошарашенно спросил Вэй Усянь.

— Вэй Усянь, ты ослеп? — огрызнулся тот.

— Зачем ты ошипываешь утку?

— Ты дурак? Конечно, чтобы съесть её!

— Ты же глава ордена! Неужели должен этим заниматься?

— Сегодня праздничный ужин, работать должны все. И что с того, что я глава ордена?

Инь рассмеялся:

— Учителю просто не повезло, он вытянул жребий ошипывать утку.

— В любом случае, мне повезло больше, чем Лю Эр-о. Тот моет кальмаров, и лицо у него чернее, чем чернила этого кальмара.

Взглянув на племянника, который с выражением лица человека, которому должны десять тысяч серебряных, отмывал что-то в тазу с чернильной водой, Вэй Усянь не сдержался и расхохотался.

Когда он наконец успокоился, то увидел, что Цзыдянь используют как топорище для дров. Вэй Усянь побледнел. Это же Цзыдянь! Цзыдянь госпожи Юй! Как можно колоть им дрова?

— Подумаешь, — небрежно бросил Цзян Чэн. — Твой Суйбянь сейчас чистит сахарный тростник.

Вэй Усянь не мог в это поверить. Неужели это его высокомерный шиди? И его Суйбянь называется так не потому, что он «любой», а потому, что это меч! Как им можно чистить тростник? Но, оглядевшись, он действительно увидел, как какой-то дядька использует его верный меч для чистки овощей.

Пока Вэй Усянь переваривал увиденное, его черноволосый племянник проворчал:

— Это еще что. Меч старшего брата Чанхэ сейчас режет рыбу, а мои медные монеты пойдут на разделку кальмаров.

Услышав это, Вэй Усянь прижал руку к груди, почувствовав странное облегчение — теперь ему стало легче на душе. Он решил подойти к двум белым одеждам, колющим дрова, чтобы поболтать, но тут на них с гоготом набросились два гуся. Те, вскрикнув, бросились наутек.

Весь двор покатывался со смеху — зрелище двух знатных господ в белоснежных одеждах, убегающих от гусей, было поистине уморительным.

— Глупые какие. Дали бы гусям по одному удару ладонью — и дело с концом, — проворчал Лань Цзинъи, притащив дерево из леденцов.

Лань Сычжуй внимательно следил за беготней. Он не понимал, почему эти двое, вовсе не слабые люди, позволяют гусям так себя унижать. Он прямо спросил:

— Видно же, что они боятся. Одним ударом можно было остановить птиц, почему же они бегают?

— Точно-точно! А гусей можно было бы зажарить, — поддакнул Цзинъи.

— Бить нельзя! — вмешался Инь. — Эти гуси — последнее, что осталось у дедушки Чжана. Он очень любил свою жену, но их дети погибли несколько лет назад, а бабушка скончалась пару месяцев назад. Дедушка тяжело переболел, и теперь эти два гуся, которых бабушка кормила до самой смерти, стали для него единственной памятью. Их нельзя убивать или ранить, иначе он будет горько плакать.

Лань Сычжуй тихо улыбнулся, подумав: всё-таки он такой же мягкосердечный и наивный.

— А как эти двое умудрились разозлить гусей? — холодно спросил Лань Цижэнь. Впрочем, этот холод был лишь напускным, а подергивающиеся уголки губ выдавали его с головой.

Цзян Чэн, продолжая ощипывать утку, сердито проворчал:

— Перед Новым годом я взял этих двух олухов за покупками. Купил им по леденцу, отвернулся заплатить — а их уже и след простыл. Когда нашел, их всю атаковали гуси. Я спросил, что случилось, а они мне: шли, ели, а потом обнаружили, что забрели в незнакомое место. Увидели, что гуси жирные, и решили их зажарить, кто же знал, что птицы такие свирепые.

После этих слов на тренировочном поле воцарилась тишина, лишь холодный ветер пронесся мимо.

— Глава ордена Цзян, на какой улице вы были? На той, что перед воротами Пристани Лотоса? — уточнил Лань Цзинъи.

— Да, на той самой улице, — процедил сквозь зубы Цзян Чэн.

Вэй Усянь подумал, что утку, которую он держит, скоро ощиплют не только от перьев, но и от кожи. Он поспешил успокоить:

— Ничего страшного. Просто не знают дороги. Я на днях нарисую талисман, чтобы вы могли призывать их обратно, где бы они ни были.

— Какой еще талисман! Они на прямой дороге у ворот умудрились потеряться! Дай им волю — они и в лесу сгинут. Лучше сделай мне клетку, я их туда запру! — рявкнул Цзян Чэн, размахивая ощипанной уткой.

— Молодые господа, любите гусей? — вдруг раздался за спинами Сычжуя и Цзинъи старческий голос.

— Жареные гуси — ничего так, вкусные, — честно ответил Цзинъи, хотя и вздрогнул.

Старик, услышав это, улыбнулся и позвал:

— Дахуй, Сяохуй, кусайте их!

Ланьские адепты оцепенели. Гуси, только что преследовавшие людей в белом, резко сменили курс и помчались на них. Ребята бросились наутек.

— Дедушка, почему вы велите гусям кусать нас! — вопил Цзинъи.

Лю Инь закатил глаза:

— Вы же сами сказали, что хотите их зажарить, вот они и гоняются за вами.

Те двое, которых только что преследовали гуси, увидев, что птицы переключились на других, не только выдохнули, но и принялись насмехаться над Сычжужем и Цзинъи.

Адепты ордена Лань, спасаясь от гусей, запрыгнули на дерево. Птицы окружили ствол и начали гоготать. Ребята, сидя на ветке красной сливы, пытались взывать к их разуму. Неизвестно, поняли ли их гуси, но окружающие хохотали до колик.

Легкий ветерок шевелил черные волосы юношей, осыпая их белые одежды лепестками красной сливы. Внизу гуси с гордо поднятыми шеями радостно гоготали на «нарушителей». Сцена вышла поэтичной и по-деревенски уютной. Один из присутствующих художников тут же запечатлел этот момент на бумаге, и вскоре картина была продана за огромные деньги.

<http://bllate.org/book/24021/2753726>